

Д.И. Рублев*

СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВОМ В КОНЦЕПЦИИ «КОНСТРУКТИВНОГО АНАРХИЗМА» Г.П. МАКСИМОВА

Статья посвящена управленческим идеям Г.П. Максимова — одного из наиболее известных теоретиков российского анархизма в конце 1910-х — 1930-е гг. Автор рассматривает концепцию «переходного периода» к безвластному обществу, разработанную Максимовым в конце 1920-х гг. в работе «Конструктивный анархизм». Для данной модели общественно-политического устройства предполагалось сохранение элементов власти в децентрализованной форме, переход к выборным органам производственного и территориального самоуправления трудящихся. Представлен анализ истоков концепции Максимова и ее роли в развитии анархистского течения мировой общественной мысли.

Ключевые слова: анархизм, анархический коммунизм, анархо-синдикализм, «конструктивный анархизм», П.А. Кропоткин, Г.П. Максимов.

The article is devoted to the managerial ideas of G.P. Maksimov, one of the most famous theorists of Russian anarchism in the late 1910s — 1930s. The author examines the concept of a “transition period” to an imperious society, developed by Maximov in the late 1920s in his work “Constructive Anarchism”. For this model of socio-political structure, it was assumed that the elements of power would be preserved in a decentralized form, transferred to the elected bodies of industrial and territorial self-government of workers. The author analyzes the origins of Maximov’s concept and its role in the development of the anarchist current of world social thought.

Key words: anarchism, anarchist communism, anarcho-syndicalism, “constructive anarchism”, P.A. Kropotkin, G.P. Maksimov.

В 1917–1921 гг. впервые в истории нашей страны анархисты получили возможность непосредственно воплотить свои идеи в жизнь, участвуя в массовых народных движениях (махновщина, роговщина, Кронштадтское восстание 1921 г.), работая в органах самоуправления трудящихся и профсоюзах, проводя социальные

* Рублев Дмитрий Иванович — кандидат исторических наук, доцент факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: rublev773@gmail.com

эксперименты в коммунах и кооперативах. Оказавшись в эмиграции в начале 1920-х гг., деятели анархистского движения России переосмысливают программу, стратегию и тактику движения, учитывая опыт Великой Российской революции и реалии индустриального общества 1920-х гг.

Во второй половине XIX в. россияне М.А. Бакунин и П.А. Кропоткин заложили теоретические основы революционных течений анархизма. До сих пор левое крыло международного анархистского движения признает их как основоположников. В 1920-е — начале 1940-х гг. уникальный опыт российских анархистов как участников революционных событий оказался востребован в международном анархистском движении. Они активно участвовали в дискуссиях о проблемах перехода к «безвластному» обществу. П.А. Аршинов, В.М. Волин, Г.П. Максимов до сих пор считаются основателями определенных течений в анархизме.

Идеи Григория Петровича Максимова (1893–1950) частично получили освещение в работах историков¹, но их полноценное исследование в России было ограничено в силу недоступности читателю ключевых текстов в их аутентичном русскоязычном варианте. Среди них программная работа Максимова «Конструктивный анархизм (опыт построения анархо-коммунистической программы)». В этом труде Григорий Петрович излагает план социальных преобразований в анархо-коммунистическом и анархо-синдикалистском духе, ориентированный на условия России середины 1920-х гг. «Конструктивный анархизм» был завершен в 1929 г., но увидел свет в 1952 г., после смерти автора. Тогда был издан лишь английский перевод Ады Сигел². Аутентичный вариант текста с пометами и примечаниями Максимова был впервые издан автором статьи в апреле 2021 г.³

Максимов утверждал, что с конца XIX в. социалистическая и анархистская мысль, пройдя стадии конструирования утопий и «научного социализма», вступила в «период конструктивного социализма», связанного с разработкой конкретики социальных преобразований и строительством нового общества. В такой по-

¹ См., например: *D'Agostino A. Marxism and the Russian Anarchists*. San-Francisco, California: Germinal Press, 1977; *Шубин А.В. Анархистский социальный эксперимент. Украина и Испания. 1917–1939 гг.* М.: ИВИ РАН. 1999.

² *Maximoff G.P. Constructive Anarchism*. Chicago: Maximoff Memorial Publication Committee, 1952.

³ См.: Анархистские движения России и Русского Зарубежья: Документы и материалы. 1922–1941 гг. М.: Политическая энциклопедия. 2021. С. 446–543.

становке вопроса у Максимова были единомышленники среди более умеренных социалистов. В 1925 г. ведущий теоретик эсеров В.М. Чернов выступил с похожими тезисами, выпустив книгу «Конструктивный социализм»⁴. Терминологическое совпадение в идейных поисках авторов отметил А.В. Шубин⁵.

Максимов связывал переход к «конструктивному периоду» в анархистской мысли с работой Кропоткина «Хлеб и Воля» (1892 г.), а его продолжение — с деятельностью российских анархо-синдикалистов⁶, разрабатывавших программу преобразований применительно к реалиям первых десятилетий XX в.

Максимов полагал, что воплощение в жизнь анархо-коммунистической модели возможно лишь в результате длительного переходного периода. В качестве такового он рассматривал «коммунально-синдикальный строй, покоящийся на анархической и коммунистической базе»⁷. В этом вопросе Максимов следовал идеям анархо-синдикалиста М. Раевского (Л.И. Фишелева), сформулированным в 1915–1916 гг. Раевский полагал, что в силу психологической и технической неподготовленности рабочих и крестьян к анархо-коммунистическим отношениям, необходим «переходный период», в рамках которого федерация профсоюзов с анархистской программой возьмет в свои руки власть, осуществляя управление производством. Государство с урезанными полномочиями сохранится в виде федерации самоуправляющихся коммун⁸. Во время Великой Российской революции анархо-синдикалисты развили эту концепцию, включив в структуру общества «переходного периода» организации трудящихся образца 1917 г. — профсоюзы, фабрично-заводские комитеты, кооперативы, домовые комитеты, Советы⁹.

⁴ См.: Чернов В.М. Конструктивный социализм. М.: РОССПЭН, 1997.

⁵ См.: Шубин А.В. Конструктивный социализм // Власть и общество в представлении левых общественно-политических движений. М.: 2005. С. 11.

⁶ Анархистские движения России и Русского Зарубежья: Документы и материалы. 1922–1941 гг. С. 468–469.

⁷ Там же. С. 498.

⁸ Раевский М. Анархо-синдикализм и «критический» синдикализм. Нью-Йорк: Федерация союзов русских рабочих Соединенных Штатов и Канады, 1919. С. 6, 30–31, 68; Раевский М. Парижская коммуна и настоящий момент // Голос труда. 12 марта 1915. № 28. С. 1.

⁹ См.: Декларация Петроградского союза анархо-синдикалистской пропаганды // Голос труда. № 1. 11 (24) августа 1917. С. 1; Раевский М. Роль Советов Рабочих Солдатских Депутатов в революции // Голос труда. 11 (24) августа 1917. С. 2; Лапотъ Гр. [Максимов Г.П.] Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и наше к ним отношение. Нью-Йорк: Федерация Союзов русских рабочих Соеди-

Максимов следующим образом выстраивал структуру управления обществом «переходного периода». В политической сфере предполагался «коммунализм». Государство заменяла Конфедерация автономных территориальных коммун (общин), возглавляемая выборными советами¹⁰. В сфере управления производством, связью и общественными службами предлагалась синдикалистская модель — Всеобщая конфедерация труда (ВКТ), объединяющая отраслевые союзы трудовых коллективов предприятий и сельских крестьянских общин. Как отдельная отрасль управленческой организации, действовала федерация территориальных потребительских коммун, создаваемых на основе потребительской кооперации¹¹.

Общество «переходного периода» должно было представлять федеративную, демократическую и децентрализованную модель политического устройства. Утверждалось, что анархия — это наиболее «подлинная демократия, развитая до логического предела»¹². Области и коммуны должны были получить максимальную автономию с правом на отделение при условии, «что их внутреннее устройство не будет являться угрозой для свободы и самоуправления своих соседей»¹³. В рамках города низовыми ячейками федерации становились домовый комитет, а затем уличные и квартальные комитеты¹⁴.

Правовые отношения должна была регулировать «Конституция Конфедерации и ее составных частей», представляющая собой «всеобщий договор, базирующийся на праве естественном, обязательном для всех членов Конфедерации, желающих в ней оставаться»¹⁵. Остальные законы подлежали упразднению. Признавались все политические свободы. Гарантией свободы слова считалось провозглашение средств печати, переданных теперь в распоряжение федерации рабочих печати и бумажного производства, достоянием всех граждан. Впрочем, механизмы пользования не уточнялись, как и право органов самоуправления вводить ограничения. Провозглашалось равноправие и равенство обязанностей для всех жителей страны, независимо от дореволюционного социального положения,

ненных Штатов и Канады, 1919; Анархисты. Документы и материалы. 1883–1935. Т. 2. М.: РОССПЭН, 1999. С. 269, 282.

¹⁰ Анархистские движения России и Русского Зарубежья: Документы и материалы. 1922–1941 гг. С. 527, 535.

¹¹ Там же. С. 498, 523, 525, 535.

¹² Там же. С. 524.

¹³ Там же. С. 528.

¹⁴ Там же. С. 534.

¹⁵ Там же. С. 532.

национальной или половой принадлежности. Признавалось право свободного соединения личностей в союзы, которое представлялось наиболее действенным способом выражения интересов граждан в условиях нового общества¹⁶.

Максимов рассматривает и проблемы охраны правопорядка. Нарушителям Конституции полагались бы наказания в форме изгнания и «временной изоляции» с участием «в производительном труде в условиях, достойных человека»¹⁷. Предполагались меры, связанные с «лечением, воспитанием и временной изоляцией ненормальных», а также моральным воздействием коллектива на провинившегося¹⁸. Максимов рассчитывал создать «специальные исправительные производственные коммуны», в пределах которых осужденный обладал бы всеми правами и свободами¹⁹. Иными словами, речь шла об исправительных учреждениях в форме «колонии-поселения», отдаленно напоминавших коммуны А.С. Макаренки.

Институт постоянного суда предполагалось заменить «третейскими» судами по месту работы²⁰. Для борьбы с преступлениями, имеющими «общественное значение» («различные виды нарушения свободы, равенства, лишения жизни»), Максимов предлагал «гласный коммунальный суд» с меняющимся составом из «представителей производственных и потребительских коммун, кооперативов и домовых комитетов данной коммуны», с участием экспертов и врачей²¹. Полицейские функции в порядке очередности возлагались бы на домовые, уличные и квартальные комитеты, формирующие самооборону²².

Постоянную армию Максимов предлагал заменить милицией — «Трудовым народным ополчением», формируемым производственными союзами²³. Планировалось ввести всеобщее вооружение и военную подготовку мужчин 18–45 лет и обязательную службу женщин в медицинских частях. Военная подготовка осуществлялась бы по месту работы. Казарменный режим предполагалось вводить на время войны и на месяц при ежегодных учебных сборах²⁴.

¹⁶ Там же. С. 524–525, 535.

¹⁷ Там же. С. 533.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Там же. С. 534.

²³ Там же. С. 525, 530.

²⁴ Там же. С. 530.

Организационный аппарат ополчения должны были составить Военно-оперативный штаб (выборный орган из военных специалистов), мобилизационные комитеты (при отраслевых и территориальных федерациях трудовых коллективов), отделы снабжения (при объединениях распределительных органов и кооперативов). В состав комитетов и отделов должны были входить представители организаций самоуправления и военные специалисты. Военно-оперативный штаб назначал на предприятия инструкторов, руководящих военными делами, но контролируемых и сменяемых собраниями коллектива. Предполагалось сохранить военно-учебные заведения, офицерский корпус и кадры технических специалистов. В мирное время они должны были работать на производстве. Военные заводы Максимов предлагал объединить в отраслевой союз, входящий в ВКТ²⁵.

Первым шагом к созданию общества «переходного периода» должна была стать социализация промышленности, связи, коммунального хозяйства, транспорта, банков, учреждений здравоохранения, образования и науки, земли, природных богатств, а также «жилищ, построенных для извлечения прибыли»²⁶. В сфере управления обрабатывающей промышленностью, строительством и ресурсодобывающими предприятиями на смену централизации предполагалось внедрять подход, основанный на сочетании «технической концентрации и административной децентрализации»²⁷, предоставлении «автономии каждому звену организационной цепи»²⁸. Исходя из российского опыта 1917 г., Максимов рассчитывал, что трудящиеся сформируют «фабрично-заводские комитеты, организующие рабочее заводоуправление и контроль на местах»²⁹. Предполагалось внедрять «коллективность» (коллективное принятие решений). Технические специалисты рассматривались как равноправные члены трудовых коллективов³⁰.

В основе новой организации производства должна была находиться «самоуправляющаяся фабрика — производственная коммуна», управляемая выборным фабрично-заводским комитетом. Затем организовывались отраслевые и всеобщие «производственные союзы фабрик-коммун» в рамках одного города. Следующим

²⁵ Там же. С. 530–531.

²⁶ Там же. С. 505–513, 516.

²⁷ Там же. С. 500.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. С. 501.

³⁰ Там же. С. 501, 511–513.

звенном становились «союзы производственных объединений», а в масштабах всей страны их объединяла Всеобщая конфедерация труда, управляемая выборным Советом народного хозяйства. Фактически речь шла о создании объединений «промышленных комитетов» (фабрично-заводских комитетов) в масштабах отрасли, региона и страны в целом³¹.

Максимов считал необходимым одновременное участие в регулировании производственных отношений различных «заинтересованных объединений». Так, строительство должно было находиться не только в ведении «Союза строительных рабочих», но и домовых комитетов, сельских и городских строительных кооперативов³². В принятии решений по управлению рыбными и охотничьими промыслами должны были участвовать «научные общества». В сфере образования, науки, культуры «Союз работников народного просвещения» координировал бы работу с «родительскими, экономическими» объединениями³³. Кроме того, Максимов указывает, что коммуны «должны строго выполнять научно установленные положения санитарно-медицинских объединений» в отношении организации труда и здравоохранения, создающих вместе с коммунальными органами по охране труда³⁴. Регулирование трудовых отношений должно было осуществляться «съездами производственных коммун и союзов общественных служб»³⁵.

Предполагалось, что оплата труда будет приближаться к коммунистическим принципам. На стадии «переходного периода» она должна была формироваться по принципу «равная доля для всех»³⁶. А.В. Шубин, использовавший англоязычное издание «Конструктивного анархизма», трактует этот принцип, как «равные акции для всех», полагая, что речь идет об уравнительном перераспределении прибылей³⁷. Но в русском тексте Максимова нет термина «акции», а в английской версии книги фраза звучит, как «equal shares for all»³⁸, что означает в буквальном переводе «равные доли для всех». Таким образом, ни об акционировании предприятия, ни о каких-либо «акциях» речи не идет.

³¹ Там же. С. 501, 511–513.

³² Там же. С. 512.

³³ Там же. С. 511, 516.

³⁴ Там же. С. 521–522.

³⁵ Там же. С. 522.

³⁶ Там же. С. 520.

³⁷ Шубин А.В. Указ. соч. С. 113.

³⁸ *Maximoff G.P. Constructive Anarchism. P. 104.*

Основным критерием объема вознаграждения за труд («равной доли») в «коммунизированном секторе», должен был стать прожиточный минимум с прибавкой по количеству неработающих членов семьи, в зависимости от полагавшейся им «нормы», исчисляемой в денежных знаках и выдаваемой деньгами и продуктами труда. Предполагалось, что по мере роста производительности и богатств страны размер доли будет возрастать, а оплата постепенно перейдет в предоставление необходимых услуг и продуктов труда, а затем будет реализован принцип «каждому по потребностям»³⁹. Во время переходного периода население предполагалось разделить на «потребительские категории», где на первом месте должны были оказаться дети, матери-кормилицы, старики, инвалиды, больные, а затем уже — здоровые работающие люди⁴⁰. Безработных предполагалось содержать в том случае, если общество окажется неспособно предоставить им работу, но после появления таковой от их содержания отказались бы, поскольку проводился в жизнь принцип «не работающий по своей воле — не ест»⁴¹. Исключение делалось для тех, кто перешел предельный возраст, установленный для работы, а также для инвалидов и больных⁴². Принцип бесплатности изначально внедрялся в рамках коммунизированного сектора в транспортных перевозках и жилищной сфере, где предполагалось распределение жилищ домовыми комитетами и создание гостиниц для приезжающих⁴³.

Наряду с «коммунизированным» сектором, охватывающим социализированную промышленность, ресурсодобывающие отрасли, связь и транспорт, предполагалось сохранение в неприкосновенности «ремесленной, кустарной и мелкой промышленности», мелких рыбных и охотничьих промыслов. Эти хозяйства Максимов предлагал подвергнуть ненасильственному кооперированию, которое позволило бы внедрить новейшие достижения науки и технику в эту сферу производства и модернизировать ее⁴⁴.

Такое же решение предлагалось в отношении индивидуальных крестьянских хозяйств⁴⁵. При этом Максимов указывал, что в сель-

³⁹ Анархистские движения России и Русского Зарубежья: Документы и материалы. 1922–1941 гг. С. 501–502, 520.

⁴⁰ Там же. С. 520.

⁴¹ Там же. С. 520–522.

⁴² Там же. С. 522.

⁴³ Там же. С. 512.

⁴⁴ Там же. С. 502, 510.

⁴⁵ Там же. С. 503.

ском хозяйстве «коллективизм владения не влечет коллективизма труда». Ситуацию можно изменить лишь в результате «перехода от экстенсивного хозяйства к интенсивному и при механизации земледелия», когда технологии потребуют «объединения трудовых усилий всех или нескольких членов земледельческой общины»⁴⁶.

Первоначально, в ходе социализации, проводимой по эсеровским сценариям 1900-х — 1910-х гг., земля превращалась в общественное достояние с полным изъятием из товарного оборота, запретом на сделки купли-продажи, сдачи в аренду. Признавалось лишь право пользования ее равной долей для каждого желающего при обработке «личным или кооперативным трудом»⁴⁷. Регулировать этот процесс должен был Союз крестьянских общин, входящий в состав ВКТ. В его ведение предавались землеустройство, переселенческое дело и агрономия. Съезд союза должен был решить вопрос о норме земельного надела на душу населения⁴⁸.

Должны были стихийно сложиться три сектора — индивидуальный, кооперативный и коммунистический. Самоопределение индивидуальных хозяйств должно было носить добровольный характер⁴⁹. Коммуны, как и кооперативы не должны были превышать масштабы, привычные крестьянам. Предполагалось, что в их состав будут входить не более 10 «средних крестьянских дворов» в пределах одного селения. Максимов считал необходимым отделение домохозяйства от коммун, дабы не ограничивать проявления личной свободы⁵⁰.

Коммунистический сектор должны были составить не только сельские коммуны, но и крупные высокотехнологичные хозяйства, организованные на индустриальных началах (конезаводы, питомники, молочные фермы, хозяйства по разведению мясного скота, птицефабрики, крупные садово-огородные хозяйства). Также предстояло «коммунизировать» предприятия, занятые переработкой сельскохозяйственной продукции (сахарные, текстильные, винокуренные, табачные заводы, крупные маслодельные предприятия и мельницы). В то же время малые сельскохозяйственные предприятия должны были кооперироваться⁵¹. Фактически, предполагалось, что в каждой коммуне появится промышленное предприятие по переработке на месте сельскохозяйственной продукции. Коммунары должны были

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же. С. 504.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же. С. 505.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же. С. 505–506, 508.

работать на нем по модели «интегрального труда» (чередование сельскохозяйственных и промышленных работ), предложенной Кропоткиным⁵². Коммунизации сельского хозяйства должны были способствовать развитие путей сообщения, строительство в земледельческих районах предприятий по переработке продуктов земледелия и лесного хозяйства⁵³.

Параллельно планировалась «аграризация» промышленных и ресурсодобывающих предприятий, «соединение их с земледелием путем организации сложных комбинатов, постепенно втягивающих в свой хозяйственный круг окружающее земледельческое население и организующих труд на основе интеграции»⁵⁴. В результате приближения промышленности к сельскому хозяйству и строительства поселков для рабочих этих заводов, полагал Максимов, произойдет «рассасывание городов» и распределение промышленности по небольшим агропромышленным коммунам⁵⁵.

Коммунистический сектор должен был выполнять и кредитные функции, образовав единый «Банк натурально-денежного кредита». Это учреждение должно было обеспечить «беспроцентный» кредит всем секторам, осуществлять обменные операции между ними, взимать с кооперативов и индивидуальных хозяев подоходный налог за пользование средствами связи, предоставление врачебно-санитарных, коммунальных и транспортных услуг, за пользование учреждениями образования, науки и культуры. Максимов планировал, что кооперированный сектор и индивидуальные хозяйства будут передавать коммунам свою продукцию по ценам, установленным договорным, нерыночным путем⁵⁶.

Кооперативный сектор постепенно должен был интегрировать индивидуальное хозяйство путем создания на основе территориальных сельских общин товариществ по совместной обработке земли и охвата сельского населения различными видами кооперации (кредитной, потребительской, производственной, бытовой). В итоге, низовым элементом кооперативных объединений становилось «сельскохозяйственное товарищество», соединяющее все типы кооперативных объединений: «потребительства, закупа-сбыта, товарищества по переработке, производительно-подсобных товариществ, машинно-прокатных пунктов, случных пунктов, домостроительных

⁵² Там же. С. 508.

⁵³ Там же. С. 506, 509.

⁵⁴ Там же. С. 511.

⁵⁵ Там же. С. 512.

⁵⁶ Там же. С. 507–508, 511, 512, 516–517, 521.

и радиоэлектрификационных товариществ»⁵⁷. В отношении кочевых скотоводов предполагалось проводить политику культурной интеграции через просвещение, агрономической помощи и кооперирования на предмет сбыта продукции и приобретения промышленных товаров⁵⁸. Чтобы интегрировать в экономику «переходного периода» народы, традиционно живущие охотой, также было запланировано кооперирование хозяйств, просветительская деятельность, а также научная работа по рационализации охоты и установлению зоны заповедных лесов⁵⁹. Кооперативный сектор должен был образовать Союз сельскохозяйственных товариществ, возглавляемый выборным Высшим советом⁶⁰.

Все социализированные банки сливались в единый «Банк натурально-денежного кредита», при котором должно было действовать Главное статистическое бюро, ведавшее сбором и распределением статистических данных во всех областях жизни общества⁶¹. Помимо перечисленных выше функций, банк должен был поддерживать обмен всего анархического общества с внешним миром⁶². Фактически же, «коммунизированный» сектор устанавливал монополию внешней торговли. Денежные знаки «старого режима» предполагалось аннулировать⁶³. Введение «трудовых денег», как предлагали когда-то П.-Ж. Прудон и Р. Оуэн, а вслед за ними и американские анархисты-индивидуалисты (Дж. Уоррен, Б. Такер), Максимов считал невозможным. Вместо этого он предлагал ввести золотые металлические деньги. Вероятно, он руководствовался опытом Советской России периода Гражданской войны, когда в 1920–1921 гг. в условиях краха финансовой системы расчеты по отдельным сделкам с зарубежными странами, как и материальная помощь зарубежным сторонникам большевиков, производились золотым запасом, драгоценностями или ресурсами. Ярким примером здесь стали сделки по закупке железнодорожного транспорта за границей в 1920–1923 гг.⁶⁴ В торговле с зарубежными странами, а в первое время после революции и при

⁵⁷ Там же. С. 505–507.

⁵⁸ Там же. С. 509.

⁵⁹ Там же. С. 510–511.

⁶⁰ Там же. С. 507–508.

⁶¹ Там же. С. 516.

⁶² Там же. С. 517.

⁶³ Там же.

⁶⁴ См.: *Сенин А.С. Железнодорожный транспорт Советской России в первые годы восстановительного периода // Экономическая история: Ежегодник. 2009. С. 509–576; Палаткин Д. Из истории продаж государственных ценностей (малоизвестные факты периода 20-х годов XX века) // Вестн. Института экономики*

внутреннем обмене, Максимов предлагал «руководствоваться унаследованными от капитализма ценами»⁶⁵. При обмене между коммунистическим, кооперативным и индивидуалистическим секторами и внутри «некоммунизированных» секторов должна была действовать договорная «научная установка высоты цен и стабильность их»⁶⁶.

Максимов полагал, что «по мере стабилизации общества» после победы социальной революции натуральный обмен «на основе меновых пропорций, исчисленных в денежных знаках» заменит деньги. Иными словами, денежная единица признавалась как некий коэффициент исчисления продуктов труда и услуг: «мерило стоимости и средство для обмена, облегчающее процедуру натурального обмена между различными системами хозяйств переходного периода»⁶⁷. Фактически же обмен производился товарами и услугами, признанными эквивалентными определенной сумме денег. По мере все большего расширения коммунистического сектора хозяйства, полагал Максимов, обмен будет окончательно заменен распределением и деньги будут нужны исключительно как средство обмена с зарубежными торговыми партнерами⁶⁸.

В силу обозначенных особенностей вряд ли можно признать, что Максимов предполагал сохранение рыночных отношений или их постепенное вытеснение, как утверждает А.В. Шубин⁶⁹. «Коммунистический» сектор одновременно был контрагентом «кооперативного» и «индивидуалистического» секторов сельского хозяйства и он же, контролируя федерацию коммун и банк, оказывался в роли структуры, формально и фактически формирующей «правила игры» в экономических отношениях, в том числе и цены. Кооперативы оказывались в зависимости от «коммунизированного» сектора из-за услуг, предоставляемых в сфере связи, транспорта, электроэнергетики, кредитной системы, мелиоративных работ, агрономической помощи.

Внутри коммунистического сектора распределением произведенной продукции должны были заниматься федерации «потребительских коммун», объединяющие жителей городов и «потребительские товарищества» в деревнях, организованные как часть

Российской академии наук. 2010. Вып. 3. С. 259–263; Хейвуд Э. Российская железнодорожная миссия за границей в 1920–1923 гг. // Родина. 2012. № 7. С. 104–107.

⁶⁵ Анархистские движения России и Русского Зарубежья: Документы и материалы. 1922–1941 гг. С. 518.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Шубин А.В. Указ. соч. С. 113.

кооперированного сектора. Все они были бы связаны с банком, ведущим учет потребностей населения. В городах низовой ячейкой потребительской коммуны должен был стать домовый комитет. Продукция предприятий подлежала сдаче на общественные склады. Сельскохозяйственные коммуны и индустриализованные аграрные хозяйства должны были сдавать часть продукции, которая оставалась сверх потребляемого. Кооперированный сектор также сдавал банку свои продукты, сверх потребленных, получая взамен денежные знаки и нужные товары на основе натурально-денежного обмена⁷⁰.

Большое внимание Максимов уделял формированию предпосылок анархистских преобразований, связывая их, прежде всего, с развитием организаций, которые могли превратиться в институты общества «переходного периода». Фактически, свою программу он адресовал Международной ассоциации трудящихся (МАТ) — объединению анархо-синдикалистских профсоюзных федераций стран Европы и Америки, основанному в 1922 г. По мысли Максимова, радикальные профсоюзы, принявшие анархо-коммунистическую программу, являются формой организации, которая связывает анархистскую теорию с повседневными практическими интересами трудящихся⁷¹.

Анархо-синдикалистская федерация профсоюзов должна была обеспечить единый характер экономических преобразований в масштабах всей промышленности, предотвратить хаос, не допустить захвата предприятий в частную или коллективную собственность. Максимов говорит о «синдикализации», предполагавшей охват всех отраслей производства, транспорта, связи, сферы обслуживания: «В целях успешности борьбы пролетариата и трудового крестьянства с государственно-капиталистическим строем и ускорения победы над этим строем, анархисты организуются в производственные союзы и стремятся, чтобы эти союзы охватили весь промышленный пролетариат и трудовое крестьянство. Революционные производственные союзы, по мнению анархистов, являются не только органами борьбы с существующим строем, но и ячейками будущего общества»⁷². Каждый отраслевой союз конкретного города должен был войти в состав общенационального союза той же отрасли и параллельно — в федерацию региональных профсоюзов. Таким образом, формировалась структура будущей федерации произ-

⁷⁰ Анархистские движения России и Русского Зарубежья: Документы и материалы. 1922–1941 гг. С. 519–520.

⁷¹ Там же. С. 455, 478–479.

⁷² Там же. С. 535–536.

водственных союзов⁷³. Предполагалось, что в рамках своего профсоюзного объединения анархисты создадут субкультуру будущего анархо-коммунистического общества, одновременно завоевывая идейную гегемонию среди широких слоев трудящихся: «Так как Конфедерация Труда есть прообраз новой организации общества, то она должна строиться на тех же самых принципах, на которых должно строиться и будущее общество, т.е. на принципе свободы и автономии личностей и организаций и на равенстве, следовательно, ее организационный принцип — широкий федерализм»⁷⁴.

Параллельно должна была действовать федерация анархистов, созданная по идейному принципу. Максимов рассчитывал, что обе организации будут вести борьбу в остальных сферах жизнедеятельности общества, важных для завоевания идейной гегемонии: «Что касается сферы революционной работы анархистов, то она не ограничивается только пределами производственного союза, но охватывает кооперацию, армию, школы, городские и сельские управления и вообще все области, где бьется трудовая жизнь; анархисты, принимая активное участие в борьбе за повседневные интересы эксплуатируемых классов, привносят в эту борьбу революционные методы; отзываясь на все животрепещущие вопросы дня, они освещают их в духе конечного идеала, используют всякие предлоги для агитации, пропаганды и организации эксплуатируемых классов»⁷⁵.

Действуя в тесном альянсе, профсоюзная организация и федерация анархистов должны были выдвигать целый ряд требований, каждое из которых стало бы шагом на пути воплощения в жизнь программы «переходного периода». основополагающим среди них было «учреждение фабрично-заводских комитетов и установление через них рабочего контроля над производством, приемом на работу и увольнением с постепенным расширением контроля до пределов рабочего заводоуправления»⁷⁶. Так, наряду с профсоюзами и кооперативами должен был появиться еще один институт, на который можно было опереться при проведении социальных преобразований.

Максимов дает список и других «повседневных требований, которые в той или иной мере приближают осуществление конечного идеала». Трудящиеся должны были бороться за сокращение рабочего дня (до 4–6 часов) и рабочей недели (до 4 дней), введение

⁷³ Там же. С. 536.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Там же. С. 537.

⁷⁶ Там же.

социального страхования за счет предпринимателей (на случай инвалидности, болезни, безработицы, старости), ограничение прибылей предпринимателя (до размеров заработной платы главного инженера), свободу профсоюзов и стачек, нейтралитет государства в борьбе труда и капитала, проведение мер по социальной защите материнства и женского труда, уничтожение детского труда, отмену сдельной отплаты труда, ликвидацию сверхурочных работ, запрет ночных работ для женщин и подростков⁷⁷. В политической сфере своеобразной предреволюционной «программой-минимум» становилось утверждение широких политических свобод, расширение прав местного самоуправления, отделение от государства школы, а затем — армии, полиции и суда. В военной сфере предполагалось превращении армии в народную милицию. Среди актуальных требований, которые предлагал Максимов, были: утверждение выборности командного состава и установление системы солдатских советов и комитетов, упразднение военной юстиции, отмена обязательной воинской повинности, а в итоге — полное разоружение всех государств⁷⁸. В области юстиции он призывал добиваться отделения суда от государства, выборности и сменяемости судей, отмены смертной казни и долгих сроков тюремного заключения, превращения тюрем в «исправительно-воспитательные дома», замены существующей системы наказания системой «исправления, воспитания и условного осуждения»⁷⁹. В области народного образования предстояло добиться отделения школы от государства, бесплатного «интегрального» образования для детей до 18 лет, децентрализации образовательно-воспитательных программ, обеспечение учащихся питанием и учебными пособиями за счет общества, привлечения родителей к участию в деле народного образования и воспитания, организации широкого общеобразовательного и профессионального обучения для взрослых. В области сельского хозяйства повседневными требованиями должны были стать: социализация земельной собственности и лесов, организация бесплатной агрономической помощи, создание широкой сети сельскохозяйственной кооперации, организация снабжения крестьян живым и мертвым инвентарем на льготных условиях, содействие улучшению семян и пород домашнего скота, поддержка механизации и электрификации хозяйства и быта крестьян, широкая доступность технологий мелиорации, переселение безземельных крестьян. Выдвигались задачи широкого

⁷⁷ Там же. С. 537–538.

⁷⁸ Там же. С. 538–539.

⁷⁹ Там же. С. 539.

развития городской кооперации всех видов, развития жилищного строительства в городах с целью обеспечения населения дешевым и комфортным жильем, обеспечение бесплатной медицинской помощи, проведение санитарных мероприятий в интересах малоимущего населения⁸⁰.

Таким образом, по замыслу Максимова, все требования, изложенные в его программе, должны были стать повседневными для трудящихся. Но многие из них были заведомо неприемлемы при любом государственном режиме, а потому и недостижимы, играя роль своеобразных «мобилизующих мифов», как обозначил это явление неомарксистский мыслитель Жорж Сорель⁸¹. Но в случае успеха при достижении хотя бы значительной их части, установлению анархического общества «переходного периода» могло предшествовать слабое государство, ограниченное органами народного самоуправления, пронизывающими все сферы жизни общества. Кроме того, это была бы модель социального государства с элементами социалистической экономики, но не этатистской, а кооперативной. В политической сфере эта ситуация напоминала бы российскую государственность весны — осени 1917 г. Аналогом здесь является период нахождения у власти Временного правительства и период установления Советской власти в первые месяцы после Октябрьского переворота. Вероятно, Россия 1917 г. и была взята Максимовым как пример возможностей, которыми анархисты так и не смогли воспользоваться.

Максимов применил модель России 1917 г. к ситуации, сложившейся в Испании после фашистского мятежа Франко в июле 1936 г. и народного восстания, ставшего началом революционных преобразований в Каталонии и Арагоне, проводимых испанскими анархо-синдикалистскими профсоюзами, объединенными в Национальную конфедерацию труда (НКТ). «Правительство Кампаниса теперь допустило вооружение НКТ и анархической федерации и попало в положение русского Временного правительства 1917 г., даже в еще более бессильное положение. Военные комитеты — реальная сила, правительство — штампующий аппарат, в штампе которого не всегда нуждаются. Рабочие союзы захватывают фабрики и заводы, устанавливают рабочий контроль, организуют сами общественный порядок, который даже буржуазные корреспонденты называют образцовым. Крестьяне захватывают землю. По всей Каталонии организованы коммунальные советы. Вместе с

⁸⁰ Там же. С. 539–540.

⁸¹ См.: Сорель Ж. Размышления о насилии. М.: Фаланстер, 2013. С. 126–129.

генералами крошится капитализм и государство...»⁸². В этой ситуации, полагал Максимов, вовсе не следует спешить со свержением республиканского правительства и форсировать ряд социальных преобразований, стремясь выиграть время, необходимое для победы над фашизмом и укрепления позиций анархо-синдикалистов: «Положение испанского пролетариата, следовательно, таково, что сражаясь с генералами, он должен терпеть в своем тылу и номинально признавать за руководителя опасного врага — правительство республики, которое он вынужден держать на положении пленника и не свергать до решительной победы над фашизмом, ибо сейчас свержение правительства ускорит интервенцию, а так бессильное правительство, правительство по имени, будет служить ширмой, которую можно отбросить во всякое время»⁸³. Предполагал ли такой вариант развития событий Максимов еще в 1929 г.? Не исключено, хотя однозначно утверждать это трудно.

Фактически, в своей работе Максимов сформулировал не модель безвластного, анархического общества, но модель политического устройства с децентрализованной властью. Свой взгляд на сущность управления в рамках анархистской рабочей организации, а затем и общества «переходного периода» он выразил следующим образом: «Вопрос не в отрицании руководства, а в том, чтобы сделать его свободным и естественным»⁸⁴. Предполагалось, что сделать это можно в результате внедрения принципов выборности, регулярной сменяемости и отзываемости руководителей и делегатов, их постоянной отчетности перед собранием рабочего коллектива. При этом федеративные отношения и система делегирования, представительство всех заинтересованных сторон, должны были стать своеобразным противовесом против диктатуры. Предложенная Максимовым модель социально-экономического устройства содержит элементы, связанные с индустриальными отношениями первой трети XX в.: отраслевая организация, фактическое преобладание промышленности и города над сельским хозяйством. Лишь постепенно, путем интеграции труда и соединения промышленности с сельским хозяйством, включением крестьян в кооперацию, предполагалось преодолеть эти явления. В силу соответствия реалиям своего времени концепция «конструктивного анархизма» вызвала интерес

⁸² Максимов Г.П. Испания, кровью омытая // Дело труда. 1936. Июль — август. № 92. С. 8.

⁸³ Анархистские движения России и Русского Зарубежья: Документы и материалы. 1922–1941 гг. С. 501.

⁸⁴ Там же. С. 488.

со стороны анархистов. Уже после смерти Максимова его труд неоднократно переиздавался на различных языках. До сих эта книга считается анархистами самых разных стран одним из классических трудов, а ее автор — анархистским классиком мирового масштаба.

Литература

Анархистские движения России и Русского Зарубежья: Документы и материалы. 1922–1941 гг. М.: Политическая энциклопедия. 2021.

Анархисты. Документы и материалы. 1883–1935. Т. 2. М.: РОССПЭН, 1999.

Декларация Петроградского союза анархо-синдикалистской пропаганды // Голос труда. № 1. 11 (24) августа 1917. С. 1.

Лапоть Гр. [Максимов Г.П.] Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и наше к ним отношение. Нью-Йорк: Федерация союзов русских рабочих Соединенных Штатов и Канады. 1919.

Максимов Г.П. Испания, кровью омытая // Дело труда. 1936. Июль — август. № 92. С. 5–10.

Палаткин Д. Из истории продаж государственных ценностей (малоизвестные факты периода 20-х годов XX века) // Вестн. Института экономики Российской академии наук. 2010. Вып. 3. С. 259–263.

[*Раевский М.*] Парижская коммуна и настоящий момент // Голос труда. 12 марта 1915. № 28.

Раевский М. Роль Советов Рабочих Солдатских Депутатов в революции // Голос труда. 11 (24) августа 1917.

Раевский М. Анархо-синдикализм и «критический» синдикализм. Нью-Йорк: Федерация союзов русских рабочих Соединенных Штатов и Канады. 1919.

Сенин А.С. Железнодорожный транспорт Советской России в первые годы восстановительного периода // Экономическая история: Ежегодник. 2009. С. 509–576.

Сорель Ж. Размышления о насилии. М.: Фаланстер, 2013.

Хейвуд Э. Российская железнодорожная миссия за границей в 1920–1923 гг. // Родина. 2012. № 7. С. 104–107.

Чернов В.М. Конструктивный социализм. М.: РОССПЭН, 1997.

Шубин А.В. Анархистский социальный эксперимент. Украина и Испания. 1917–1939 гг. М.: ИВИ РАН. 1999.

Шубин А.В. Конструктивный социализм // Власть и общество в представлении левых общественно-политических движений. М., 2005. С. 11–41.

D'Agostino A. Marxism and the Russian Anarchists. San-Francisco, California: Germinal Press, 1977.

Maximoff G.P. Constructive Anarchism. Chicago: Maximoff Memorial Publication Committee, 1952.